

Николай Поддубный

СКАЗАНИЕ О СТРАННИКАХ

КНИГА ПЕРВАЯ
ШУТ ВІНОГРАДНОЇ
ВОДЫ

Сказание о странниках

Николай Поддубный
Шут виноградной воды

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Поддубный Н.

Шут виноградной воды / Н. Поддубный — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Сказание о странниках)

Сказание о странниках – это роман- диалогия о «попаданцах», состоящая из двух книг. Они связаны логически, но в то же время являются самостоятельными произведениями. Представьте себе, что вы – актёр, но ваш удел – прозябание в тени более удачливых коллег по цеху. И вдруг Фортуна даёт вам шанс выдвинуться на первые роли. Но вместе с этим шансом вы получаете «в нагрузку» обязанность спасти целый мир, в котором реальность переплетается со сказкой, но при этом жизнь ваша подвергается совсем не вымышленным опасностям. Как вы поступите? Сможете ли пересилить свой страх и сразиться с могучим и коварным колдуном или будете прятаться от его гнева? Выбор есть всегда, и герой этой книги его сделал. И этот выбор – только начало необычайного сказания...

© Поддубный Н.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая. Вежливость королей	7
Глава 1, в которой выясняется, что грипп может сделать человека не только «овощем», но и звездой	7
Глава 2, в которой Станислав Иванович сталкивается с ошибками сценариста и коварством колдуна	10
Глава 3, не совсем понятная, но совершенно необходимая	12
Глава 4, от коварства к казарменному юмору	13
Глава 5, в которой всё очень запутано	15
Глава 6, в которой появляются новые лица	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Поддубный

Книга первая

Шут виноградной воды

*Где-то идёт война
Между добром и злом.
Всем не везёт, а нам,
Кажется, повезло.
Видно, в особый час
Кто-то составил план:
Взял и придумал нас,
И поместил в роман.*

Ян Лисица

Часть первая. Вежливость королей

Глава 1, в которой выясняется, что грипп может сделать человека не только «овощем», но и звездой

Если вам когда-нибудь доведётся побывать в Семиполье, обязательно посетите театральное кафе «Ветерок». Не считите за рекламу, но это провинциальное кафе действительно даст сто очков форы любому столичному ресторану. Там всегда можно попробовать блинчики с икрой, некогда бывшие дежурным блюдом московских извозчиков, свежее пиво местного производства практически не уступает лучшим сортам известных производителей, а уж таких раков как в Семиполье вам не удастся попробовать нигде! А какую тройную уху там готовят! Те, кто попробовал её, готовы отдать всё, что угодно, лишь бы вкусить её аромат ещё раз. А какие цеппелины! Золотистые, и настолько ароматные, что один только запах способен свести с ума даже человека, не считающего себя гурманом. Обязательно всё это попробуйте, но не сразу по приезде, ибо в противном случае у вас не останется сил и времени на осмотр местных достопримечательностей. Их не очень много (город, всё-таки, небольшой – всего сто тысяч человек), но, как говорят местные жители, их качество одержало безусловную победу над количеством. Любителей старины порадует и древнее замчище, любовно расчищенное археологами, и развалины тюрьмы, триста лет из своей четырёхсотлетней жизни отработавшей крепостью, и церковь, возведённая в семнадцатом веке на деньги известного магната Тадеуша Горы-Пшесецкого, и драматический театр, выстроенный его праправнуком Янушем в веке девятнадцатом. И, конечно же, кафе «Ветерок», построенное напротив театра во второй половине двадцатого века. Ох уж это кафе! Даже губернское руководство, регулярно приезжающее поохотиться в окрестных лесах, старательно обходит это заведение стороной. Ибо, какая же охота с набитым брюхом?

Для начала (мой вам совет!), попытайтесь попасть в местный приют Мельпомены и Талии. Мне, к сожалению, так и не довелось побывать ни на одном представлении, потому лишь, что достать билеты, скажем в БДТ, намного легче, чем в Семипольский драматический театр. Удивительно, но это средоточие местной культурной жизни до сих пор пользуется гораздо большей популярностью, нежели новомодный ледовый дворец, или, скажем, прозябающий где-то на задворках пейнтбольный клуб. Особенно после знаменитой ноябрьской премьеры. Той самой, когда... Впрочем, обо всём по порядку.

Серый промозглый ноябрьский день с самого начала не сулил ничего хорошего.

– Всё пропало! – голос главного режиссёра Семипольского драматического театра Сидоровича громыхал, как майская гроза. – Где директор, где эта бездарь? Костюмеры?! Декораторы?! – то и дело вопрошал он и его рокочущий бас отдавался эхом в самых дальних уголках театра.

Сидорович шёл по коридорам твёрдой походкой Каменного Гостя, и перекрытия старенького театра содрогались от его могучей поступи. Чуть позади него едва дыша, крался на цыпочках невысокий полный администратор. Со стороны могло показаться, что он охотится за Сидоровичем, как Великий Мамбуван за Бешеным Слоном, но на самом деле он прятался. Этот, всегда казавшийся вездесущим и всемогущим, управленец позорно провалил разработанную Сидоровичем операцию, по вызволению двух актёров из лап местных эскулапов и теперь прикладывал все свои умения, дабы не попасть в поле зрения громовержца. Избежать же взгляда Сидоровича можно было, только находясь за его спиной.

Широкая, похожая на лопату ладонь главрежа, то и дело гулко хлопала по дверям гримёрок. В курилку, тем не менее, он вошёл очень тихо. Настолько тихо, что режиссёр Солончак, переживавший бурю в самом спокойном, на его взгляд месте, от неожиданности подскочил, увидев у своих ног гигантскую тень руководителя.

– Где Портков? – проревел Сидорович.

– З-заболел, – заикаясь, ответил режиссёр, мысленно проклиная тот час, когда он решил связать свою судьбу с Семипольским театром.

– О, боги, и этот тоже! Всё! На сезоне можно поставить крест! И на театре тоже! На панель с тобой пойдём!

– М-может... – Солончак робко поднял руку, причём его низко опущенная голова так вдавилась в плечи, что он стал похож на знаменитого всадника из книги Майна Рида.

– Что?!

– Дэ-другую пы-пьесу?

– Что? Какую? Ни одна пьеса из нашего репертуара не пройдёт! Мало того, что реквизит застрял в какой-то Хрюковке! Вдобавок проклятый грипп скосил весь цвет труппы! Всё пропало! – он так яростно махнул рукой, что поток воздуха, увлекаемый его большой ладонью, взъерошил волосы подчинённого.

Главреж нимало не покривил душой. Действительно, грипп, о котором в Семиполье до сего дня никто и не слышал, внезапно свалил три четверти актёров. Причём, произошло это одновременно и совершенно несвоевременно. Впрочем, болезнь бывает желанной и своевременной только в школьные годы, да и то не всегда. Что уж говорить о взрослых? Заботливые врачи, регулярно посещавшие Семипольский драматический театр (в качестве зрителей, конечно), срочно госпитализировали любимых актёров, так что, в ближайшую неделю ни один из них на встречу с любимыми музами рассчитывать не мог. Правда, злые языки тут же распростили слухи, что наследники Эскулапа уже видели премьеру, поставленную прямо в больничных коридорах, ибо там же оказались и костюмеры, и декораторы. Но всё это лишь домыслы, очерняющие наших врачей. Ну, я так думаю, во всяком случае... Впрочем, слухи только подогрели интригу, с каждым часом всё сильнее закручивающуюся вокруг предстоящего спектакля. Город с нетерпением ждал обещанную премьеру, о которой местные газеты писали как о «совершенно новом направлении в творчестве коллектива Семипольского драматического театра». И ведь генеральный прогон позволял надеяться, что чаяния зрителей не будут обмануты. Словом, Сидоровичу было от чего прийти в отчаяние.

– А если...

– Что?! – грозно повёл бровью Сидорович.

– Второй состав – невнятно пробормотал Солончак вжав голову в плечи.

– Что? – брови Сидоровича удивлённо изогнулись, а затем сошлись на переносице. – Второй состав? Что они могут?

– Э-э...Н-ну, мы тут пьесу одну репетировали... – пробормотал, потупившись, сценарист.

– Что? – главреж вытаращился на помощника так, что тому вдруг захотелось сделаться маленьким, как таракан, и забиться в какую-нибудь щель. Он ни в коем случае не хотел посягать на заслуженный авторитет начальника, но вынужденное безделье второго состава накануне премьеры ему совершенно не нравилось, поэтому он и занял актёров исполнением старой пьесы в новом прочтении.

– Вот, – прошептал Солончак и вложил в руку режиссёра свёрнутые в трубку листки бумаги.

– Тэ-эк, – протянул, листая сценарий, Сидорович. – Бесплодные усилия любви?

Его брови снова взметнулись вверх, и тяжёлый стон прокатился по коридорам театра.

– Это же попса, – простонал Сидорович.

– Да, но попса от самого Шекспира! – многозначительно поднял палец Солончак. – Кроме того, в новом прочтении!

– А кто играет короля Наварры?

– Не совсем короля, и совсем не Наварры. Тем не менее, с этой ролью справится только Король! – режиссёр от волнения начал каламбурить, что не ускользнуло от внимания его руководителя.

– О-о-о... Ладно, – Сидорович устало махнул рукой. – Собирай людей.

Собрать второй состав оказалось довольно просто. В ту самую минуту, когда Солончак принимал на себя колоссальную ответственность за сохранение лица театра, все актёры, не занятые в премьерe, находились в кафе «Ветерок» и поднимали далеко не первый бокал за здоровье осветителя.

– Игорёк, – величественно начал свой тост Станислав Иванович Король, прекрасный актёр второго состава, звезда которого на тот момент ещё не взошла, – желаю тебе всегда быть здоровым и иметь богатых друзей, дабы...

– Спасибо, Слава! – именинник не дал закончить тост, поскольку страшно растрогался. Ему исполнилось тридцать, он только что вошёл в полосу очередного кризиса, и был очень эмоционален. – А вам я желаю играть только первым составом!

Стоит ли говорить, что его пожелание сбылось так быстро, что ошеломило не только его, но и всех приглашённых актёров. Дверь резко распахнулась, и в кафе ворвался растрёпанный Солончак.

– Ребята! – крикнул он. – Это ваш шанс выбраться из вторых ролей! – Бегом на сцену!

Он выхватил у кого-то из рук наполненный бокал и махом осушил его. Примеру режиссёра последовали и ошарашенные актёры. Сообразительней и проворней всех оказался, что не удивительно, Станислав Король. Пока остальные стояли, открыв рты, он дважды наполнил и осушил свой кубок. А бутылку, с отличным армянским коньяком, стоявшую возле него он проворно засунул в карман.

Не прошло и пятнадцати минут, как ошеломлённые таким фортеlem судьбы актёры уже стояли на сцене и весьма бестолково играли свои роли. Они ещё не совсем избавились от последствий недавнего возлияния, и вместо своих реплик произносили казавшиеся им остроумными нелепицы.

Сидорович всё больше и больше напоминавший грозовую тучу, в конце концов, не выдержал, и возопил:

– Голуби мои, больше жизни! Что вы как дохлые мухи? Импровизируйте, чёрт возьми, импровизируйте! Суфлёры – не панацея, а только способ немного отодвинуть неизбежный провал. Вперёд, дети мои, тренируемся!

Этот грозный окрик окончательно прогнал остатки хмеля и вынудил актёров податься. Они старательно отыграли свои роли и затаились в ожидании вердикта.

– И на что это, по-твоему, похоже? – повернулся к режиссёру, Сидорович.

– На театр, – не задумываясь, ответил тот.

– На театр? – взревел главреж. – Театр абсурда, вот что это такое! Всё, иди, рисуй объявление!

– Какое? – опешил Солончак.

– Он ещё спрашивает! Мы не пойдём с тобой на панель. Мы откроем публичный дом здесь! Я уж так и быть за маман сойду, а вот тебе придётся с клиентами поработать!

– Э-э-э... Дмитрий Сергеевич, – беззаботно махнул рукой Солончак, – боюсь, что на мои прелести уже никто и не покусится. Да не переживайте вы так! Не так уж и плохо получается! Застоялись ребята немного, только и всего! Вот увидите, всё будет хорошо!

Он уже не первый год работал с Сидоровичем и по тону последнего высказывания понял, что буря миновала. Главреж хоть и волновался, но был явно доволен работой актёров.

Немного поиграв бровями, Сидорович приосанился, похлопал режиссёра по плечу и, не говоря больше ни слова, отправился руководить установкой декораций.

– Все по местам! – наконец громыхнул за кулисами голос Сидоровича. – Поехали!

Первый акт прошёл почти без помарок. В интерпретации Солончака, четыре молодых миллиардера заключили пари, по условиям которого три года будут избегать женского общества, чтобы закончить работу над новым проектом. Но фирмой, выигравшей тендер на разработку ключевого узла чудо-агрегата, руководили четыре молодых, привлекательных и остроумных девушки... Впрочем, пересказывать сюжет нет смысла – спектакль до сих пор собирает полный зал. А тогда... Тогда Станислав Король понял, что дождался своего звёздного часа, и воспользовался предоставленной возможностью. Он жил своей ролью. Разгадывая загадки хитроумных красавиц, Слава иногда отступал от текста, но делал это настолько непринуждённо и естественно, что суфлёры тихо аплодировали ему из своей будки. Всё шло как по маслу. Он так разошёлся, что даже не заметил, как на сцене начали происходить странные вещи. Сами по себе включались осветительные приборы, и эти вспышки изредка сопровождались громовыми раскатами. Впрочем, странности эти всегда приходились кстати.

– Молодец, Салажонок, – довольно ворчал за кулисами Сидорович. Он не знал, что бедный осветитель разве что по потолку не бегает, в надежде отыскать замыкание, из-за которого сервоприводы как с ума посходили.

Фурор был уже близок, но когда на сцене вместо секретарши с тубусом появился совершенно незнакомый, странно одетый человек с мечом в руках, Слава растерялся. Незнакомец вежливо поклонился и протянул меч Королю. Тот машинально принял древнее на вид оружие, и в то же мгновение блеснула молния, раздался самый настоящий гром и непонятно откуда заморосил мелкий дождик. Вспышка на какое-то время ослепила и актёров и зрителей. Станислав Иванович Король исчез...

Глава 2, в которой Станислав Иванович сталкивается с ошибками сценариста и коварством колдуна

Слава опустил меч и осмотрелся. Он стоял посреди какой-то мрачной избушки, стены которой были увешаны вязанками сухих трав. В углу стояла печь, из которой явственно тянуло запахом, обычно сопровождающим процесс самогонирования.

– Это ещё что за декорации? – удивился Слава. – Разве это было в сценарии?

Он опустил меч, обернулся и вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял неопрятно одетый старичок со спутанной бородой.

– Кишмалаш! Травартанна! – крикнул старик.

– Да что вы, в самом деле! – возмутился актёр. – Я же ничего не трогал!

Старик подозрительно взглянул на актёра, почесал затылок и подошёл к дубовой бочке, стоявшей в противоположном от печи углу. Взяв висевший на стене ковшик, он помешал содержимое бочки и, зачерпнув, протянул его Славе.

– Ути! – не терпящим возражения тоном приказал старик.

– Отличное пиво! – изумился актёр, приняв хавшись, – Я попробую, с вашего позволения.

Он приложился к ковшу.

– М-м-м... Спасибо, не ожидал! – пробормотал Слава, переместив около полулитра жидкости себе в желудок. – Можно добавочки?

– Ути, нон абути, – отрезал старик и в голове у актёра словно взорвался разноцветный фейерверк. Последнее, что он запомнил, было какое-то странноватое свечение вокруг старика. «Забавный дедушка, – успел подумать Слава. – И звёздочки... Такие забавные...»

Проснулся Слава с ужасной головной болью.

– Говорила мне мама, что коньяк нельзя мешать с пивом. А может это китайский дедушка мне ерша подсунул? – пробормотал он и попытался подняться. Однако встать он не смог, по той простой причине, что руки его были надёжно привязаны к скамье.

– Я что, буянил вчера? – спросил он, обращаясь, скорее, к самому себе, и пытаюсь разбудить хоть какие-то воспоминания.

– Говорил же я тебе, не злоупотребляй! – отозвался из-за печи старик.

– О! А я-то думал, что он китаец! Что же вы сразу по-нашему не говорили? Поди, пойми все эти «кыш-пыш», «шиш-беш»...

Старик подошёл к актёру и взглянул ему в глаза.

– Слишком много болтаешь! Снадобья, наверное, вчера слишком много выпил? Оно, конечно, мозги вправляет, но вот побочный эффект... Впрочем, не всё ли равно, – он махнул рукой и снова полез за печь.

– Я бы попросил вас объясниться! А то я не посмотрю на разницу в возрасте...

– Лучше помолчи! Пока я не скормил тебя муравьям!

– Молчу-молчу, – пробурчал с детства ненавидевший муравьёв Слава, – только объясните мне, где я и что здесь происходит?

– Ну, это просто, – ухмыльнулся старик. Он внимательно осмотрел вытащенный из-за печи капкан и, помолчав, продолжил:

– Ты здесь, у меня. И я теперь твой хозяин!

– Что? – возмутился актёр, – а ну, развяжи меня! Я тебе покажу, кто из нас хозяин!

– Ш-ш-ш-ш! – зашипел старик, – ты давно не спал... Ффарранокхх... – он легонько дунул Славе в лицо и тот почувствовал, что глаза у него начинают слипаться. Впрочем, то ли старик оказался плохим гипнотизёром, то ли актёр оказался устойчивым к внушению, но сон так и не одолел его. Слава лежал с закрытыми глазами и старательно вслушивался в бормотание колдуна. Старик то бормотал себе под нос, то переходил на крик.

– Совершенно непонятно... Такого нет ни в одной книге! Вчера на него не действовало сильнейшее заклинание, способное свернуть шею самому искущённому магу, а сегодня его свалила с ног детская усыплялка! А меч... – Слава услышал шуршание ткани, – вроде бы неказистый, а что-то в нём есть... Ой! Точно есть! Неужели тот самый?... Нет-нет, не сейчас! Завтра я продам этого бродягу и займусь мечом. Да, именно так! На свежую голову! А сейчас – пойду, проверю силки...

Раздался скрип закрывающейся двери, и Слава осторожно приоткрыл левый глаз. В доме никого не было.

– Вот это пьеса! Чёрт бы побрал этого Солончака, вместе с его сценарием! Куда же меня занесло? И главное – как отсюда выбраться?

Актёр припомнил все прочтённые книги о попаданцах в другие миры, сопоставил со странностями, происходившими во время спектакля, и с ужасом понял, что его дом сейчас далеко, и что завтра его действительно продадут в рабство, и... И что самое время смываться!

Его сердце бешено колотилось. Он по своей актёрской привычке сделал глубокий выдох и, немного успокоившись, осмотрелся.

Меч, наполовину завернутый в парчу, лежал на лавке, к которой был привязан актёр. Тем не менее, ему потребовалось основательно потрудиться для того, чтобы перерезать путы.

– Ф-фу, – прошептал он, – теперь бежать отсюда! Эх-х, пивка бы! – он с сожалением взглянул на бочку, но вспомнив, какой эффект произвело на него «пиво», взял себя в руки и

завернул загадочный меч в кусок ткани. Коньяк, остававшийся от вчерашнего банкета, исчез, поэтому, в качестве компенсации, он забрал сиротливо висевший в углу копчёный окорок, и выдернул из стопки, лежавших на столе фолиантов, небольшую книгу в кожаном переплёте. Затем, тихонько вышел из дома, осмотрелся, и пустился во всю прыть туда, где среди лесных зарослей виднелся просвет...

Глава 3, не совсем понятная, но совершенно необходимая

В то же время, не очень далеко от негостеприимной избушки, в которую невесть как занесло Станислава Ивановича, шестьсот пограничников в предвкушении скорого отбоя занимались рутинно-уставными делами: чистили лошадей, приводили в порядок снаряжение, наводили блеск на доспехах.

Хельг уже в четвёртый раз обходил лагерь. Всё было спокойно, воины были заняты повседневными делами, но душа у командира гарнизона была не на месте. За неделю бездействия дисциплина порядком ослабела. Но хуже всего было томительное ожидание «секретного распоряжения». Семь дней назад Хельг получил подписанный императором приказ, согласно которому два арганата пограничного гарнизона должны были срочно выдвинуться на юго-восток. Там, на границе провинции Юлань, княжества Тепе и владений степного айнаха Унджи, Хельг должен был дожидаться императорского курьера с дальнейшими распоряжениями.

Два дня понадобилось «счастливчикам» для того, чтобы добраться до места. Единственный на несколько дней пути колодец с трудом утолил жажду лошадей и их седоков, но голод утолить было нечем: обоз с провиантом и фуражом подошёл ещё через день. От конвоя Хельг узнал, что старый император сыграл в резной ящик. Но отмены приказа не последовало, равно как и новых инструкций, поэтому пришлось снарядить гонца к командующему южным округом, с докладом о готовности отряда.

Хельг чувствовал, как крепчает крохотный росток тревоги, и всё настойчивее рвётся наружу из глубин сознания.

– Так не пойдёт, – пробурчал он себе под нос, с трудом подавив в себе желание наплевать на вбитые, вдавленные в его сознание и записанные там кровавыми буквами законы военной элиты империи, и вернуть отряд в гарнизон. Хельг до хруста сжал кулаки – за пятнадцать лет службы он так и не научился нарушать приказы. Осмотрев посты, он поднялся на один из ближних холмов. Огромное красное солнце медленно тонуло в раскалённом мареве, висевшем над степью. Хельг невольно поёжился. Десять лет назад он точно так же стоял на перевале с непроизносимым названием Датвисджварисхреми и любовался исчезающим в багровой дымке солнцем. А ночью пришли гнархи. Пока сонные воины сумели организовать оборону, хищные твари вырезали полгратты пехоты и почти шесть ат кавалерии. Их атаки были похожи на морской прибой: волны разбивались о щиты Миелланских воинов, но отхлынув, возвращались снова и били ещё сильнее, так, что казалось очередная волна смоем защитников перевала и чудовищная лавина обрушится на маленький городок Хромс. И, наверное, так бы всё и было, если бы не подоспел со своим небольшим войском король Рувала. Он прикрыл отход остатков имперской дружины, но сам оказался зажат в небольшом ущелье. А на рассвете к перевалу подлетели две крепости и шквальным огнём размазали нападавших по граниту окрестных скал. И Хельг, единственный оставшийся в живых командир устало наблюдал, как «Крылатые харраны» добивают оставшихся в живых гнархов.

Он снова поёжился. Воспоминание было не из приятных.

– Мир вам, – раздался у него за спиной тихий голос. Хельг отскочил в сторону и выхватил меч. Перед ним стоял человек весьма странного вида: некогда роскошные одежды превратились в совершеннейшие лохмотья, зато посоху его мог бы позавидовать и придворный маг.

Благородные черты его лица портила дурацкая улыбка, а в глазах поблёскивали сумасшедшие золотые искорки.

– Мир вам, – повторил странный человек, – хотя и глупо желать мира жуку, попавшему в муравейник.

– Кто ты? – спросил Хельг, опуская меч.

– Я странник. Путешествую... То туда, то сюда... А вам лучше уйти из муравейника. Или к утру вас накроют крылья смерти...

– Они всех накроют, – покачал головой Хельг, – рано, или поздно.

Он медленно подошёл к страннику и взялся за посох. – Пойдём со мной, – сказал Хельг и потянул посох к себе, – расскажешь, что ты узнал в своих странствиях.

– Не могу, к сожалению, – вздохнул бродяга и усмехнулся, – а ты запомни: «Сойдёт дождём на землю благодать, и меч сверкнёт надеждой на востоке».

Он резко крутанул посох и ошарашенный Хельг отлетел в сторону. Обернувшись, он заметил, как странник подпрыгнул и растворился в воздухе.

– Бред, – прошептал он и, отряхнувшись, спустился с холма. В лагере он приказал удвоить караул и пошёл в свой шатёр. Ему не спалось. Почти половину ночи он провёл над составлением докладной записки командующему округу и задремал только перед самым рассветом.

Крылья смерти накрыли лагерь, на мгновение опередив первые лучи солнца. Сперва мимо полусонных часовых стрелой промчался раненый гонец, а следом за ним с окрестных холмов хлынули гнари. Запоздало запели тревогу рожки часовых...

Хельг осмотрел остатки своей дружины и тяжело вздохнул. От полутысячного отряда осталось всего двадцать человек, неполный ат. Им повезло – враг, десятикратно превосходивший их, не успел замкнуть кольцо. Правда цена, заплаченная за это, оказалась слишком высокой. На поле боя полегло столько друзей Хельга, что он предпочёл бы остаться с ними, но долг командира... Этих двадцать человек он по одному вытаскивал из боя, каждый раз прорубая себе дорогу. Хельг снова тяжело вздохнул, с тоской посмотрев на запад. Он с горечью подумал, что никто из погибших не будет погребён, как подобает воинам. Мало того никто вообще не будет погребён. Гнари никогда не оставляли на поле боя трупы. Ненасытные твари перемалывали своими жуткими челюстями даже кости. Но хуже всего было то, что среди нападавших были люди. И люди эти были из военной элиты империи. «Крылатые харраны», некогда сражавшиеся с гнариками теперь воевали с солдатами империи. Хельг покачал головой и поправил шлем. А ведь прав оказался бродяга! Странник... Что же он говорил о востоке? Эх, жаль не удалось задержать его и допросить, как положено! Да где уж его удержишь, если дерётся лучше любого воина, да ещё и с магией знаком! Ничего не поделаешь, придётся дальше полагаться только на себя.

– Братя, – сказал он, – путь домой нам пока отрезан. Двинемся на восток, к уцулам. Там мы найдём кров, и помощь. Он развернул коня, и всадники направили своих скакунов вслед за ним.

Глава 4, от коварства к казарменному юмору

Дружина Хельга второй день двигалась по степи. Солнце палило нещадно, воздух был пропитан терпким запахом полыни, а над землёй висело колышущееся марево, в котором цепкий взгляд пограничника заметил какое-то движение.

Не прошло и четверти часа, как дружинники настигли ковыляющего по степи человека, вооружённого завёрнутым в парчу мечом. Человек этот был небрит и измучен жарой, но его странный костюм, нелепые ботинки, с длинными узкими носами и копчёный окорок, с которым он не хотел расставаться, несмотря на усталость, не могли не вызвать улыбки.

– Кто ты? – спросил Хельг, стараясь не рассмеяться.

– Воды, – попросил путник и, утолив жажду из поданной ему фляги, представился: – Король Станислав Иванович.

– Король чего?

– Э-э-э, зовут меня так! – хмуро ответил Слава, которому до оскомины надоела эта плоская шутка.

– И куда же ваше величество направляется? – уже не скрывая улыбки, спросил Хельг.

– Всё равно куда, лишь бы выбраться отсюда.

– Хорошо. Дайте ему коня.

Актёр с трудом взгромоздился на коня, и дружина продолжила своё движение на восток.

К вечеру того же дня отряд достиг подножья гор. Воины спешили и Слава, похрапывая, последовал их примеру.

– Какая боль, – то и дело стонал он, держась за поясницу и с трудом переставляя ноги.

– Это тебе не в карете ездить, – мимоходом посмеивались дружинники, первым делом занявшиеся обустройством лагеря.

– Да пошли вы... – беззлобно огрызался актёр, – посмотрел бы я на вас после лыжных гонок!

К наступлению темноты лагерь был разбит, а на разведённом между камней костре готовился ужин. Слава отдал свой трофейный окорок в общий котёл и теперь с наслаждением вдыхал аромат варившейся похлёбки.

– Эх, к этому бы супчику, да стопарик водочки! Или вина, на худой конец, ибо сказано: «*Vinum iustificat cor hominis*»¹ – оживлённо потёр он руки, когда, наконец, похлёбка была готова, и дежурный по лагерю разливал её в лёгкие походные миски.

– Ну, это можно, – ответил Хельг и кивнул дежурному. Тот откупорил небольшой бурдюк, валявшийся неподалёку от костра, налил в маленькую деревянную чашку немного золотистой жидкости и передал её актёру.

– Вино, – благоговейно закатив глаза, прошептал Слава и сделал глоток. – Кхм, э-э-э... А вы уверены, что это вино? – он с подозрением посмотрел в чашку.

– Не сомневайтесь, ваше величество! Самое настоящее вино! Очень редкое. Из подвалов императорского хранилища! Два месяца назад варлунги хаальского посла на границе прищучили, так вот из его обоза и нам кое-что досталось.

– Мне кажется, вас обманули. Это не вино. Это, – актёр замялся, подыскивая сравнение, – это ну-у... когда бочку из-под вина помоят... виноградная вода!

Воины покатались со смеху.

– Вот это сказал!

– Ну, молодец!

– Императорское особое – для него вода!

– Какой он король? Шут, да и только!.. Шут виноградной воды!

Слава, растерявшись от такого количества шуток и колкостей, залпом выпил содержимое чашки. И сразу почувствовал! Едва уловимый, но великолепный букет, оставивший во рту послевкусие, не поддающееся описанию. Ему вдруг захотелось сочинить оду, посвящённую этому вину, но... Он оглянулся и, увидев хохочущих дружинников, рассердился на них. Они его отвлекали. «Да, – подумал он, – так оду не сочинить! Но... Они такие дружелюбные... Хо...рошие...попутчики...»

Он зевнул и погрузился в сладкую дрёму...

¹ Вино веселит сердце человека (лат)

Глава 5, в которой всё очень запутано

Знаменитое китайское проклятие гласит: «Чтоб тебе жить во время перемен!». Известно, кто проклял Станислава Ивановича, но мир, в который он попал, переживал именно это время. А началось всё это безобразие за три недели до его появления.

Тьма, поглотившая императорский дворец, была почти осязаемой. Она заполнила каждую комнату, каждый уголок, лишив воли всех его обитателей, и погрузив их в тяжёлый липкий, как сама эта тьма сон. Дворцовая стража, повара, многочисленные слуги спали в самых невероятных позах. Видимо сон свалил их внезапно, в самый разгар несения службы. Лишь двое, не обращая внимания на тьму и уснувших слуг, тихо беседовали в каминном зале дворца. Разговор шёл уже давно, и собеседники иногда замолкали, давая тишине полноту власти в спящем замке.

– Я хожу по лезвию меча, – произнёс после небольшой паузы один из собеседников. Его голос говорил о молодости лет хозяина.

– Такова участь вершителей судеб, – спокойно ответил обладатель более грубого мужского голоса.

– Вершителем ещё нужно стать, – возразил первый.

– Не вижу препятствий, – устало отозвался второй.

– Мы с вами ходим по кругу.

– Не мы, а вы.

– Но...

– Никаких «но»! Я предлагаю вам конкретные действия, а вы стесняетесь назвать вещи своими именами!

– Какие имена? Какие вещи? Речь идёт о жизни и смерти близких мне людей!

– Мне показалось, что вопрос о вашей жизни и смерти заботит вас намного больше.

– Да, но...

– Мне надоела ваша нерешительность, я ухожу!

– Подождите! Я... Я согласен!

– Вот! Это слова настоящего мужчины! Думаю, нам стоит обсудить детали...

Голоса сделались тише, хотя подслушать их обладателей никто не смог бы, а через четверть часа замок вернулся к обычной жизни.

Утро нового дня было добрым не для всех.

– Ваше высочество! Ваше высочество! Слава создателю, вы живы! – начальник дворцовой стражи чуть не расплакался от умиления.

– Если это можно назвать жизнью, – молодой человек, которого убелённый сединами воин называл «высочеством», с трудом поднялся с пола, на котором он спал, обняв большую бутылку вина. – Ну, что там у тебя?

– Ваше высочество! Принц!.. Это невероятно, но... Ваша семья...

– Ну, что там ещё?

– Они погибли.

– Что за блажь? – принц раздражённо встряхнул бутылку и хлебнул из горла.

– Они... Нет, вам нужно это увидеть!

Принц снова приложился к бутылке и, слегка покачиваясь, поплёлся за начальником дворцовой стражи. У входа в покои императора, так же впрочем, как и у входа в опочивальни его сестры и брата стояли стражники, не пропускавшие в комнаты любопытную прислугу. Начальник стражи осторожно взял принца за локоть и вместе с ним прошёл в опочивальню императора. Зрелище было жутким. На шёлковых простынях лежал скелет, обтянутый мра-

морно-белой кожей. Принц побледнел и упал на колени. Его несколько раз стошнило, но когда начальник стражи попытался ему помочь, принц окинул того невидящим взглядом и крикнул:

– Стража!

В комнате почти мгновенно появились два вооружённых воина.

– Арестуйте этого человека, – он кивнул головой в сторону начальника стражи, и, заметив недоумённые взгляды солдат, добавил:

– По обвинению в измене императору.

Начальник стражи побледнел и с удивлением посмотрел на своих теперь уже бывших подчинённых. Солдаты почти одновременно пожали плечами и взяли алебарды на изготовку.

– Как быстро, – прошептал новоиспечённый император, провожая взглядом бывшего начальника стражи. Он медленно поднялся с колен и пошёл в свои покои.

– В-ваше величество, – придворный маг заикался от страха, но упорно семенил вслед за императором.

– Ну что ещё, – устало спросил тот.

– К...кажется з-заговор! Д-д...ворец бэ...большого ва...ва...ва...

– Ну, так делайте что-нибудь! – взъярился вчерашний принц. – От меня-то что нужно? В тайную канцелярию ступайте, пускай там разбираются!

Глава 6, в которой появляются новые лица

Дворец Большого Вальса был, как обычно, великолепен. Огни сотен свечей отражались в зеркалах потолка, стен и чёрном полированном мраморе пола так, что танцующим казалось, будто они парят среди звёзд. Оркестр, расположившийся на балконе, неустанно играл вальсы, заставляя пары кружиться и кружиться... Менялись кавалеры, дамы, врываются в круг новые пары и тихо уходили уставшие, но вальс продолжался.

А совсем рядом, за стеной, в ярко освещённом зале звучала другая музыка, и не было этого бесконечного кружения пар, зато были обворожительные дамы и обходительные кавалеры. И были светские сплетни и признания в любви, споры о политике и делах торговых. Разговоры шли в небольших кружках, иногда перетекая от одного к другому, отчего казались бесконечными и сумбурными.

– У западных границ снова беспокойно. Ходят слухи, что варлунги снова объединяются...

– Что с того? Даже объединившись, они не смогут перейти границу империи. Пограничье сейчас набрало силу.

– Да, но они заключили союз с хаалами и азрахами. Их номада – страшная сила!..

– ...А вы слышали, что герцог Уоллский собирается взять в жёны даму из полусвета, некую Ролину?

– Да что вы? В Нижней Галее, говорят, не осталось ни одного мужчины, гм... Не оценившего её прелести! Хо-хо-хо!

– Герцогу намекнули на это обстоятельство, но он сказал, что Нижнюю Галее без лупы на карте не отыщешь!..

– Как здоровье вашего батюшки?

– Увы!.. Придворный маг сказал, что он не увидит молодую луну.

– Сочувствую... Вы же знаете, что он был моим лучшим другом. Надеюсь, с вами мы тоже поладим? На днях придёт мой караван с юга...

– Вы обворожительны!

– Спасибо!

– Не слушайте этого лжеца! Вы не обворожительны!

– Вот как?

– Да-да! Вы не обворожительны, вы великолепны! Богиня!..

– А вы слышали, что бризантность астунийского пороха на порядок выше той, что используется артиллерией летающих крепостей?

– Впервые слышу. Но даже если и так, что это меняет? Летающую крепость невозможно сбить, даже увеличив бризантность пороха в десять раз. К тому же, вы представляете, из какого металла должна быть сделана пушка, чтобы выдержать выстрел?...

Разговоры мерно текли под музыку и лёгкое вино, иногда затихая, иногда сплетаясь в стальные пружины споров, но заканчивались они, как правило, примирением спорящих. Высший свет Империи и Пограничья жил своей жизнью. Любой, мало-мальски здравомыслящий человек всего за час мог, переходя от одного кружка к другому узнать о положении дел в мире.

И всё же, самые серьёзные темы обсуждались не здесь, а в тиши маленьких ниш-кабинетов, отгороженных от зала тяжёлыми портьерами. В одном из таких кабинетов в полном одиночестве сидел совершенно лысый дородный мужчина преклонного возраста. Белая шёлковая рубаша широкого покроя, просторные шёлковые штаны, перетянутые зелёным кушаком, и лёгкие кожаные туфли выдавали в нём уроженца южного Пограничья. В задумчивости, он медленно перебирал янтарные чётки, прерываясь лишь для того, чтобы сделать глоток вина из стоявшего на маленьком ажурном столике хрустального бокала.

Иногда он хмурился, собирая гармошкой кожу на лысине, и его оттопыренные уши начинали смешно шевелиться, иногда чуть заметно улыбался и на пухлых щеках появлялись ямочки.

Его размышления были прерваны молодым человеком, шумно ввалившимся в кабинет. Он был одет в классический костюм, состоявший из элегантного расшитого золотом камзола, обтягивающих мускулистые ноги панталон и мягких, оригинально скроенных сапог.

– Уф, – сказал он, усаживаясь в кресло, – какая ночь! Ох, дорогой Бонжер, это просто чудо!

– Ничего чудесного, – отозвался Бонжер, не переставая перебирать чётки, – раньше ночь Большого Вальса была похожа на сказку! Лучшие маги империи и Пограничья всю ночь творили своё волшебство. Небо было украшено алмазами, а на стенах росли диковинные цветы. А какие были фейерверки! Кстати, они были видны даже из кабинетов...

– Да и пёс с ними, с фейерверками! – тряхнул головой молодой человек и мечтательно закатил глаза. – Какая мне встретила девушка!..

– Вы о ком? – оживился Бонжер.

– Неужели вы знаете всех девушек империи и приграничья?

– Разумеется, нет, – улыбнулся Бонжер, – потому и спрашиваю. Впрочем, любезный граф, вскружить вам голову так легко... Кстати, когда мой брат, умирая, просил присмотреть за вами, он имел в виду именно это ваше качество.

– Какое ещё качество?

– Влюбчивость. Так что же за девушка вскружила вам голову?

– О! Девушка!.. Дочь графа Рамского... Всего за три вальса она дала полную характеристику каждому правителю Юга с точными данными о состоянии их армий!

– Ещё бы, – фыркнул Бонжер, – она ведь скоро станет женой наследника престола! Впрочем, принц Рогер может и не стать императором.

– Как это?

– Дорогой племянник, – Бонжер приложился к бокалу и сдвинул брови к переносице, – если бы ты не только танцевал до упаду, но и слушал, о чём толкуют окружающие, то знал бы, что принц Рогер обделён магической силой. А по семейной традиции трон переходит сыну, или дочери с наиболее развитыми магическими способностями. Тем не менее, твои шансы равны нулю, – Бонжер перешёл на «ты», давая понять, что разговор будет серьёзным.

– Почему?

– Я думал ты умнее. Я хорошо знаю её отца – это холодный расчётливый чурбан. Доченька ничуть не лучше. К тому же, для любой девушки лучше стать родственницей императора, чем графиней Великолужицкой. Тем более для такой амбициозной особы, как твоя пассия, – лукаво улыбнулся Бонжер.

– Глупости! – вспыхнул Саххен, пропустив мимо ушей последнюю фразу дядюшки. – Да графиня Великой Лужицы имеет больше власти, чем император в собственных провинциях. И не будь я Саххен гер Вофен, если не отобью у Рогера этот прекрасный бриллиант!

– Войну объявишь? – ухмыльнулся Бонжер.

– А хоть бы и так!

– Хм... Веков пятнадцать не находилось безумца, рискнувшего воевать с летающими крепостями... По крайней мере, всерьёз...

– Подумаешь, крепости, – фыркнул молодой граф, – даже мой маг нашёл способ обезвредить их...

– Чушь! Что может сделать какой-то Великолужицкий маг? Фейерверки запускать? Желтуху лечить? Фейерверками летающую крепость не остановить! Всё! На эту тему мы с тобой ещё поговорим. Не здесь, конечно. Здесь даже у стен есть уши.

– Вот как? – удивился Саххен гер Вофен. – А как же Извечный Кодекс магов? Ведь на этом дворце лежит заклятие Дунгельфа и нас никто не может подслушать, или я не прав?

– Прав, конечно, – усмехнулся Бонжер и повертел в руках бокал, заставляя содержимое растечься по стенкам, – только маги почти две тысячи лет состоят на личной службе у императора. Срок немалый, даже для магов. Поэтому, я не очень сильно удивлюсь, если вдруг окажется, что в заклятии Дунгельфа, если оно действительно наложено, существует лёгкий изъян, позволяющий подслушать любой разговор.

Бонжер встал, поставил бокал на столик и вышел из кабинета. Саххен немного помедлил. Он взял в руки бокал, задумчиво посмотрел сквозь рубиновую жидкость на пламя свечи, и, поставив его на столик, вышел вслед за дядей.

Когда Бонжер гер Вофен с племянником покидали дворец, тонкий серпик умирающей луны был уже почти неразличим на фоне бледно-голубого утреннего неба. У края дворцовой аллеи их уже ждал экипаж. Карета, запряжённая четырьмя айданакскими жеребцами, должна была доставить двух властителей Пограничья в Каулэр, небольшой портовый городок, откуда до границы их владений кратчайший путь шёл по морю. Дорога заняла целый день, и всё это время Бонжер гер Вофен хранил молчание. Несколько раз племянник пытался завести с ним разговор, но был остановлен недвусмысленными знаками старого интригана. Король Рувала, единственного королевства Пограничья, хитрый и ловкий политик, целый день сгорал от любопытства, но так и не рискнул приступить к расспросам в карете, принадлежащей Империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.